

16+

Архип Индейкин

a Grasse:

любовный пятиугольник Ивана Бунина

Архип Индейкин а Grasse: Любовный пятиугольник Ивана Бунина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56597913

SelfPub; 2020

Аннотация

Эту историю смело можно назвать любовным пятиугольником, ведь в разные годы в него были вовлечены: сам Иван Алексеевич, жена, молодая любовница Галина Кузнецова, а также ещё две персоны, значительно повлиявшие на ход событий.

Иван Алексеич привел домой барышню. И ведь надо же, черт старый, жены не побоялся! Заявился и брякнул с порогу:

– Вера, знакомься. Это – Галина. Отныне Галина будет жить с нами в качестве секретаря, ученицы и приемной дочери.

А Вера Николавна ничего, молодцом держится. Видно, не для капризов воспитана – ни плечом не повела, ни глазом не моргнула. Кивнула еле заметно только, с холодцой, и уплыла в комнатку, руки поджамши.

Иван Алексеич крутится возле барышни аспидом. Пальтишко примет, руку подаст, а глазами так и жрет, так и жрет. У-у-у, бес застарелый! А барышня, взаправду сказать, диво как хороша. Не хуже Веры Николавны, будь та на двадцать лет моложе. Кожа – белый мрамор, плечики округлые, шейка тоненькая, волосы чернее воронова крыла. И все малахитом из-под ресниц длинящих стреляет, примеряется.

И повел девку по дому. Тут, мол, у нас картины, тут диваны, там столовая, но летом обедаем на веранде. Там вот кабинет рабочий. А наверх если подняться, направо будет комната Верочки, а налево, значит, ваша... И так и журчит словом, плещется лаской по Галининым ушкам. А та, дура окрыленная, не замечает – диваны истерты, вместо кресел табуреты деревянные, стены пооблезли, да и картин всего две. А ей все одно – зато в доме великого Мэтра.

Так и начали жить втроем. Весь город шепчется. Шутка

ли, при живой жене домой девку приволочь? А они все живут, внимания не обращают. Будто и не о них вовсе.

Вера Николавна встанет пораньше, прихорошится на скорую руку и на рынок бегом. Где мясо подешевле – она тут как тут. И то торгуется. Зелень вот эту берет. Ничего, что жухлая по краям – в первое покрошить и такая сгодится, зато дешевле, почитай, в полтора раза. Денег-то в доме уж давно особо не водится. Нагрузится Вера пакетами да кульками, промчится по рынку и домой спешит: завтрак стряпать. На излете торговых рядов задержится всегда. Там то ли цыган, то ли мадьяр лавочку держит, а торгует украшениями: сережки, колечки, бусики – все блестит, переливается, что глаза так и вытаращишь. Тут лавочник пыхнет трубкой, крутанет ус смоленый и заулыбается.

– Бери, красивая. Что хочешь выбирай – все твое будет, – тянет черный рот в стороны да глазом правым прищуривается все больше. Хитренько так, что хоть сейчас карманы проверь, не спер ли чего.

– Спасибо, не сегодня, – скользнет Вера Николавна на прощанье по бусикам взглядом и бежит прочь.

Домой примчится, запыхамшись – сразу на стол накрывать. Стол хоть и бедный, а достойный, не хуже соседских будет. Как дух ястной весь этаж пропитает да по лестнице вверх поползет, выходят Иван Алексеич с Галиной. Не идут – стекают по ступенькам. Разнеженные, разомлевшие, словно из бани. Усядутся втроем в круг стола и начинается. Иван

Лексеич мундштуком смолит, только дым белый густой от усов к потолку тянется, Галина зубы жемчугом скалит, щечечет чего-то. А Вера Николаевна, не смотри что на край табурета села, высится над столом, что твоя царица – спина прямая, как свеча, волосы в пучок подобраны, ни прядки не выбьется, да ручки холодные на коленях сложила.

– Вера Николаевна, – начинает Галина как просмеется. – Вам бы чудесно подошло моё перламутровое платье. Оно так стройнит, так оттеняет ваши большие печальные глаза. Да вы не смотрите, что оно почти новое. Мне нисколько не жалко. Мы с Иваном Алексеевичем вчера другое приобрели – зеленое. Как вы считаете, идет мне зеленое? Иван Алексеевич убеждал, будто очень идет. Говорил, будто на званом ужине у Яковлевых буду сиять изумрудом. Вы как полагаете, Вера Николаевна?

А Иван Лексеич, шельма седая, сидит напротив Веры да из бороды скалится. Надувается индюком, того и гляди лопнет от самодовольства. Да, не зря языки на рынке треплются. Третьего дня, поговаривают, видели Иван Лексеича с Галиной на пляже.купаются. Довольные, кожа так и светит ярче солнца. Смеются, шампанское хлещут. А он её без стеснения обнял рукой и к себе ближе пододвигает. Прямо на виду у всех! А второго дня, говорят, видели парочку на побережье. Вихляют, к виллам пустым присматриваются. В этой де, рыбки золотые в бассейне, а в этой виноградные лозы по всей стене, а вон в твой подъезд широкий – две машины встанут.

Да какие, черт ты старый, машины? Ты разве не видишь, как жена законная иссохла? Вытянулась вся как жердь. И бледная, как смерть стала. А он всё туда же – прогулки, шампанское, туалеты, синематограф. Неужто и вправду в долги залез? Не пустое это, что Горенко надясь бросила в лицо Вере?

– Спасибо, Галина. Не надо платя, – не хуже ножа режет Вера Николавна. Отсекает праздное щебетанье. И поднявшись к мужу обращается по-домашнему, как ранее было у них. – Ян, как твоя работа? Давно не видела тебя за письменным столом.

– Работа, Верочка, не волк – в лес не убежит. Да и не пишется что-то. Все, знаешь, дела по издательской части. Вчера вот ездили поэтический сборник Галины пристраивать. Галина, почитай Верочке что-нибудь из своего. Да куда же ты, Вера? Посиди с нами. Втроем-то веселее, чем вдвоем.

– Простите, голова что-то разболелась. Лучше прилягу. Да и как теперь не прилечь? Всю жизнь Вера Николавна отворачивалась от злопыхателей, что твердили, будто Иван Алексеич любовницами окружен. Не верила. Теперь вот карабкается по шатким ступеням в свою комнатку, а запруды глаз так и рвутся, вот-вот хлынут. Как скрылась за углом, кинулась к двери комнатки, рванула на себя, и лицом в подушку. Так и проревела до вечера. Никто к ней не поднялся, не пожалел. Только порой за дверью вспыхивало Галинино щебетание, да елейный басок Иван Алексеича.

Муж с любовницей в сумерки унесли, даже головой не повели на окна. А Вера Николавна припала к скошенным ставенькам, так и простояла до первых петухов.

После того раза последний стыд любовнички растеряли. Укатят на всю ночь, а вернутся – все пропахшие блудом да хересом. И в дом все чаще гости стали наведываться. Сегодня двое, завтра четверо. Через месяц вся гостиная гудит, не протолкнешься. Присосались пиявками к Иван Алексеичу, на щедрость позарились. А тот и рад, льет вина по бокалам, краев не видит. Прогудят всю ночь до утра, посуду побьют, драку устроят – одни щепки летят. К обеду прoderет Галина глаза и, потягивая кофе, брякнет Вере Николавне:

– Вы бы прибрались, Вера, а то грязь. Стыдно гостей в дом позвать. К нам с Ваней сегодня гости будут. И ради бога, либо приоденьтесь, либо не мельтешите перед глазами. Стыдно же! И фотографический потрет наш с Ваней протрите. Его каждый день следует протирать, – кивает, жаба важная, на фотографию в рамке. Надьсь Иван Алексеич приволок из фотоателье. Огромная, что твое окно. А на ней сам Иван Алексеич да Галина в обнимку.

Терпит Вера Николавна, дает собой помыкать. Видать, крест её такой. Да и куда ей, старой, на пятом десятке податься? Родители уж сгнули, детей нет, да и не будет теперь. Все сестры по миру разбрелись – не допишешься. Нечего и сказать – короток бабий век. Обсыплет лицо первыми морщинами, сникнут уголки губ, да тоска в глаза поселится – глядь,

твой муженек уже молодуху в дом тащит. А мужику хоть что. Вон, Иван Алексеичу уж за пятьдесят перевалило, а именем своим, да кредитами сорит, так и выются, так и стелятся все пред ним. Надьсь к его с Галиной парочке ещё девица прибились – Маргой зовут. Скалится еще так ярко, будто лампочку днем включили, да все Галину по руке наглаживает. И все они втроем теперь, и мир вокруг них только и кружится. А Вера, выходит, за околицей жизни, что собака на морозе.

Гудит дом весельем, в пляске пьяной переворачивается. Только и слышно, как здравицы хозяину кричат, желают долгая лета. Иван Алексеич щерится в ответ, поклоны отвешивает, да подливает. А как кончатся вина да коньяки, да водка переведется, кричит наверх:

– Вера, хмелю гостям. Да поживее, – и снова в поклоны ныряет. Зыркает по сторонам. Сейчас, мол, все будет. Дура старая нерасторопная сейчас все принесет. Нет, налью сам. Куда ей? Разве что и годится салфетки подавать, а на люди её и показать стыдно.

Вера Николавна шмыгнет меж размякших тел в подвал за бутылками. А в подвале темно – хоть глаз коли. Свечу надо. А свечу-то и забыла. И плетется назад, шеей поникши. Ступает аккуратно. Вроде среди людей, а её не видят. Кто локтем толкнет, кто на ногу наступит, кто в ухо загопочет. Наворачиваются слезы у Веры Николавны. Вроде слезы – вода, а тяжелее камня. Так и гнут голову к полу. Убежать бы сейчас, выскочить из дома этого проклятого, да нестись без разбору.

А не может. Уже и Галина поторапливает:

– Вера, имейте совесть! Гости уже заждались.

И Иван Алексеич похваляется тройственным союзом кому-то в толстое ухо:

– Втроем-то веселее, чем вдвоем!

Так и снует Вера от комнатки до подвала.

В одну из подобных ночей, что твоя Варфоломеевская, хватают её под руку. Пойдите, мол, Вера Николавна. Испугалась женщина, в плечи нырнула и только и ждет, как ругать её станут за нерасторопность.

– Позвольте представиться: Зуров Леонид. По душе и призванию – поэт, в быту — маляр. Вера Николаевна, я давно хотел иметь с вами знакомство. Не откажите, давайте прогуляемся.

– Что вы, что вы, – закрутила Вера головой по сторонам, будто наваждение перед глазами отгоняет. – У гостей хмельное на исходе. Мне в подвал спуститься нужно. Там у Ивана Алексеевича и ром, и коньяки разной выдержки. Полный погреб, а все везут и везут. Гости-то много каждый день. Вот и полагается...

– Пустое это, Вера Николаевна, – ровно говорит Зуров, негромко вроде, а все равно в гаме пьяном голос его не теряется. Да все держит Веру под руку, робко так. Одерни руку – пальцы враз и разожмутся. А рука не хочет одергиваться.

Плюнула Вера Николавна в сердцах и пошла за Зуровым. В сад вышли, там он и открылся. Говорит, мол, давно за ней

присматривает, да все не решался, боялся. И что вот есть у него такое чувство, что даже будь он величайшим поэтом, что твой Пушкин или Лермонтов, а все равно словами не высказать. Стрянут слова в горле комом, и язык не шевелится. И что в дом к Ивану Алексеичу он давно вхож. Все рассчитывал, будто великий Мэтр подсобит, прикажет к публикации. И стихи ему свои подсовывал, и бегал следом, а тот носом не повел. Как на цепь его Галина привязала и головой не разрешает в сторону повести, да еще и Марга появилась. Совсем Ивану Алексеича не стало. Превратился Ивану Алексеич в бутылку бездонную. Всем наливает, а правды не видит.

Слушает его Вера Николавна. Тепло от слова ушам. Жар по шее сползает, под ребра стремится... А верить боится. Неужто достойна она таких слов? Али шутка чья глупая? Нет, это, вестимо, мужнина любовница поиздеваться вздумала. Либо одна, либо вторая.

– Я вам докажу. Только не сердитесь. Молю, только не сердитесь и не гоните меня, – щелкнул каблуками Зуров, да скрылся в ночи.

Всю ночь в саду просидела Вера Николавна. Плакала. А никто её и не звал больше. Под самый рассвет плюнул дом последними хмельными гостями и затих. Прокралась Вера на цыпочках внутрь. Глядь – форменный погром. Полы заляпаны, под ногами стекло хрустит осколками. Вся скудная мебель переверочена, да окно выбито – как только не слышала, ума не приложит. А посреди комнаты лежит босой Ивану Лек-

сеич. Храпит в слипшиеся усы, да пузыри губами пускает. Прокралась наверх к своей комнате, да не сдержалась, глянула в щелочку напротив. Там, на измятых бессонной страстью простынях, спят в повалку Галина с Маргой. Улыбаются чему-то во сне, распаренные, что твои херувимчики. Плюнула Вера, кошелечек стянула с тумбочки и засобиралась на рынок. Гулянка гулянкой, а после веселья, как проспится, требует Иван Лексеич супчика пожирнее, да стопочку ледяную.

И по новой пускается Вера Николавна от рынка к тряпке.

А Зуров не обманул. Подкараулит теперь Веру Николавну по пути на рынок и тянет из-за спины цветы. Цветов Вера давно в руках не держала, хоть и гостиная вся в них всякий день. Да только те цветы не про Верину честь – это Галины. Или Марги. Черт их разберет. Совсем Вера Николавна в мужниных девках запуталась.

А то, бывает, подойдет Леонид мальчишку с записочкой. Жду, мол, дорогая Вера Николавна, вас в назначенный час в назначенном месте. Улыбнется женщина, да листочек спрячет. Уж с дюжину таких набралось, а она все не идет, бежит от свидания. Взаправду сказать, могла бы и сходить. Третьего дня у любовничков скандал случился. То ли деньги перевелись у Иван Лексеича, то ли еще чего не так пошло. Только треснуло в тот вечер что-то меж троицей. Теперь все больше на надрыв у них пошло, что твои цыганы на бис. И гостей-то не зовут и не ездят никуда теперь. Сидят, запершись в комнате, и лаются по-тихоньку изредка. Бывает, рванет Галина

дверь, высунет растрепанную голову, зыркнет зло и скроется опять.

А, чем черт не шутит! Решилась Вера Николавна ответить Леониду. Тот в последней записочке грозился, будто не переживет нового отказа. Сотворит с собой грех. Раз уж Вера не отвечает, то и терять ему нечего.

Прихорошилась, взбаламутила зачерственелое внутри себя. Даже духи у Марги стянула, умаслилась. Да вовремя про платье Галинино вспомнила. Как не гадостно было, а все ж надела. Своего-то давно нет. Башмачки стоптанные, да юбочка выцветшая, да блуза штопаная – вот и все приданое.

Выплыла павой к Зурову в ночь. Перламутром платья в пол так и переливает. Губы подвела, да шею лебяжью бусиками, что Леонид надясь подарил, опоясала.

Цельную ночь катал её Зуров. В синематограф и в кабак не повел – догадался, что побоится она косых взглядов. Нанял извозчика и повел вдоль набережной. Едут, не торопятся, а он ей всё стихи свои читает, мурлычет на ухо, да ладошку холодную в руках своих жмет. Не стерпела Вера Николавна, поддалась...

Вернулись под утром. Гулянки хоть и не было, а в доме форменный погром: картины изорваны, вазы побиты, тюль заграничный на полу комком, да осколки кругом переливаются. Посреди бедлама сидит Иван Алексеич, держится за голову и плачет тихонько, всхлипывает. – Вера, Верочка, – взмолился ирод. – Верочка. Я думал у меня её уведет хлыщ

со стеклянным пробормом, а её...

И как надрывается, как надрывается. Того и гляди завоет.

– А её увела у меня баба! – кивнул в сторону фотографического портрета разбитого, залился и обмяк.

– Знаешь, Ян, не печалься, – задрала Вера Николавна голову. Смотрит вверх, а в глазах ни жалости, ни упрека, ни слезинки – холодность одна. – Не печалься. Будем теперь жить втроем. Я, Леонид и ты. Втроем-то веселее, чем вдвоем.